

ВОСПОМИНАНИЯ

В БУРЖУАЗНО-ПОМЕЩИЧЬЕЙ ЛИТВЕ *

Ю. И. Палецкис

4. Слева и справа

Мысль о том, что углубление земельной реформы могло бы способствовать уменьшению безработицы, была, конечно, верной. Однако правительство с этим отнюдь не спешило. Напротив, проведение реформы было приостановлено. Хрисдемы оставили нетронутыми массу крупных поместий. Как и прежде, помещики владели сотнями и тысячами га земли. Затем министр сельского хозяйства Крикшюнас вообще объявил, что раздел поместий размером до 150 га вообще отменяется, а уменьшаться будут только крупные поместья, да и вообще земельную реформу станут производить более медленными темпами. Он «объяснял» это необходимостью дать возможность новоселам окрепнуть и больше им помогать. А пока что десяткам тысяч безработных и безземельных некуда было деваться. Они голодали, либо жили на жалкие пособия, или даже просто нищенствовали. «Левое» же правительство вело переговоры о дальнейшей эмиграции безработных за границу, делая то, чего и добивались хрисдемы.

Зато весьма оживленная деятельность была присуща конторам по эмиграции, которые росли на аллее Лайсвес, словно грибы после дождя. Тысячами уезжали рабочие и крестьяне Литвы в неведомые края. Ехали в одиночку, целыми семьями и группами. Грустные песни расставания с родиной звучали по литовским селам, на вокзалах, в поездах и пароходах, отправлявших обездоленных людей в Бразилию и другие дальние страны. Так программа «депролетаризации» Литвы выполнялась при «левых» не хуже, чем при хрисдемовском правительстве Бистраса.

Чрезвычайно остро стоял вопрос о Вильнюсе. Незадолго до того в Польше был совершен военный переворот. Власть захватили фашиствующие националисты во главе с Пилсудским, происходившим из литовских помещиков. Имелись основания опасаться с его стороны каких-либо авантюр. На польско-литовской демаркационной линии произошло несколько вооруженных столкновений. Правительство Литвы обратилось к иностранным государствам с меморандумом о ведущейся пилсудчиками подготовке к войне. А после заключения между Литвой и Советским Союзом договора о ненападении в Вильнюсе поднялась паника: там агентами Пилсудского распространялись слухи, что Литва и СССР «начинают наступление». Но, с другой стороны, в печать просочились сведения о закулисных переговорах между Литвой и Польшей. Сметона в целях политической демагогии сделал запрос в сейме. Премьер Слежявичюс ответил, что никаких соглашений с Польшей не может быть, пока она не возвратит Вильнюса. Вопрос о Вильнюсе и польско-литовских отношениях часто становился тогда предметом обсуждения и в Лиге Наций, где вызывал острые споры. Лига Наций, формально признавая справедливость претензий Литвы, ставила на этом точку. Ведь страны Антанты были заинтересованы в укреплении «санитарного кордона» против Советского Союза. Польша же была основной частью этого кордона.

Обсуждался в Лиге Наций и вопрос о Клайпедском крае (Мемельланд, как называли его немцы). В этом небольшом уголке Литвы, вернувшемся к ней после 700-летнего отторжения, немецкие националисты, поддерживаемые Германией, часто организовывали провокации. «Левые» министры жаловались на это Рогану. А он относился к жалобам довольно равнодушно, интересуясь в основном иным: насколько правильна широко распространявшаяся в западной печати версия, что Литва есть «слабейшее

* Окончание. Начало см. «Вопросы истории», 1970, № 6.

звено» в той цепи, которой Антанта старалась отгородить Запад от великой Страны Советов. Поэтому Роган выяснял, насколько сильно влияние как Советского Союза, так и Германии на литовскую внешнюю политику и не станет ли оно своеобразным мостом между этими двумя странами, сближение которых после Рапальского договора так пугало Антанту. Активно «давили» на Рогана из Варшавы, где усиленно повторяли, что вопрос о Вильнюсе — это «большевицско-германский козырь» против Польши. Заключение с Советским Союзом договора о ненападении явилось важнейшим внешнеполитическим актом правительства Слезявичюса. С этой целью Слезявичюс совершил поездку в Москву, где вел переговоры с народным комиссаром иностранных дел Г. В. Чичериным, после чего договор был подписан. Очень важным для Литвы моментом явилось сделанное Советским правительством заявление, в котором вновь подтверждалась позиция СССР, декларирующего неизменные права Литвы на Вильнюс.

5 ноября в сейме был «большой день»: обсуждался вопрос о ратификации советско-литовского договора. Места для публики были переполнены. В дипломатической ложе находились послы СССР, Германии и других стран. Среди хрисдемов чувствовалось воинственное настроение. Они собирались дать правительству жестокий бой. Докладчик говорил, что договор — важный вклад в дело защиты мира. Его значение возрастает и оттого, что укрепляется международное положение Литвы. Это особенно важно, поскольку пилсудчики бряцают оружием. Кроме того, признается право Литвы на свою столицу Вильнюс; между тем конференция послов Антанты закрепила этот город за Польшей. Активным защитником договора проявил себя в тот момент игравший на патриотических чувствах лидер таутинников А. Вольдемарас. Он отметил заслуги Советского Союза на Генуэзской конференции, где советская делегация первой в мире подняла вопрос о разоружении; на Западе у Литвы нет защитников; а Советская Россия еще в 1920 г. не признала захвата Вильнюса польским генералом Л. Желиговским, провозгласившим так называемую «Среднюю Литву», в 1922 г. включенную в состав Польши.

Лидер ляудинников П. Дайлиде отметил, что Советский Союз заинтересован в независимости Литвы и в случае опасности встал бы на ее защиту. Находясь в трудном положении и своеобразной внешнеполитической изоляции, Литва искала помощи и нашла ее в Москве. Хрисдемы в качестве «тяжелой артиллерии» против договора выставили таких ораторов, как бывший президент Л. Бистрас и болтливый демагог К. Амброжайтис. Но это им не помогло. Договор был ратифицирован 45 голосами против 24. Воздержалась польская фракция и оба члена помещичье-кулацкой партии сельских хозяев. А через два дня я был в посольстве СССР на приеме по случаю девятой годовщины Великого Октября. Там впервые познакомился с советскими дипломатами. Между прочим, ранее я не раз слышал, что приемы в этом посольстве слабые, в частности, обилием и качеством яств и напитков: не то, что у других, где «много церемонии и мало гастрономии». Теперь я сам смог убедиться в этом... Разговоры в основном велись вокруг недавней ратификации советско-литовского договора. Немало толков вызвало заявление министра обороны Палечкиса, высказавшегося о намечаемых реформах в армии. Оппозиция воспользовалась этим заявлением для новых атак на правительство, обвиняя министра обороны в выдаче военных тайн. Хрисдемовской демагогии пригодились и слова министра о возможном увольнении из армии офицеров старших возрастов: тотчас были пущены слухи, что эта мера затронет прежде всего 200 офицеров, неугодных нынешнему «масонско-большевицскому» правительству. При этом хрисдемы через свои газеты не преминули выказать себя в роли защитников интересов армии.

Темой бурного обсуждения явился также съезд членов Союза военных добровольцев. Хрисдемы и фашистская газета «Таутос вая» («Воля народа») открыто призывали этих добровольцев на борьбу с правительством. Характерным деятелем хрисдемо-фашистской группы был уволенный из армии полковник Григалюнас-Гловацкис, о котором я писал выше. Этот черносотенец прославился своими зверствами еще в 1919 году. Большевиком, да и вообще любых прогрессивных граждан, он без всяких церемоний приказывал расстреливать или сбрасывать под зимний лед. Им был расстрелян, в частности, известный социал-демократический деятель писатель Ю. Смольскис. Теперь Григалюнас опять призывал создавать «группы борьбы» против всех про-

грессивных деятелей. Однако он не был избран ни в президиум съезда, ни в правление Союза добровольцев. Съезд отклонил также его предложение превратить газету «Таутос валя» в орган этого союза и, более того, осудил фашистскую линию.

Правительство Слежявичюса считало позицию, занятую добровольцами, своей важной победой. Однако далеко не все разделяли оптимизм правительственных кругов. Хотя открытый фашист Григалюнас и его газета были осуждены, но избрание в правление союза таких лиц, как Сметона и его сторонник Слесорайтис, было явным симптомом усиления реакции. Много разговоров велось о растущей активности фашистских сил вообще; о диктатуре Пилсудского, которая «мешает спать» кое-кому в Литве, заражая желанием последовать примеру; о слухах по поводу возможного установления монархии в Польше и кандидатуре на польский трон князя Радзивилла; об очередном покушении на Муссолини, которое, по-видимому, было придумано им самим с целью усилить свою популярность; о проводившейся в Советском Союзе борьбе с троцкистской оппозицией.

В 1926 г. 7 ноября левые профсоюзы впервые организовали легальный вечер, посвященный юбилею Октябрьской революции. Там произносились речи о значении победы социалистической революции для трудящихся всего мира; о торжестве в СССР дела трудящихся; о дружеской политике Советского Союза по отношению к Литве. Говорилось и о необходимости легализовать Коммунистическую партию Литвы. Указывалось на растущую угрозу фашизма, на желательность создания единого фронта рабочих и крестьян. Острой критике подвергалась политика социал-демократов, которые вместо поддержки идеи единого фронта трудящихся применяли полицейские меры для «усмирения» рабочих. Это мирное собрание вызвало среди буржуа волну возмущения. Хрисдемские политики и обывательские круги не могли спокойно слышать, что где-то рабочие выражали свое мнение; что по Каунасу свободно ходили коммунисты, которых они не могли представить себе иначе как под тюремным замком.

Из провинции приходили вести об активизации духовенства, о проповедях, в которых ксендзы открыто осуждали правительство, называя его «сборищем безбожников, социал-масонов и коммунистов». Ксендзы вопили не только из-за того, что правительство ликвидировало выплату им жалованья из государственных средств; их особенно волновал проект закона о гражданской метрикации, которым предполагалось изъять запись актов гражданского состояния из ведения церкви. Это означало не только подрыв влияния церкви, но и значительный материальный ущерб, ибо плата за регистрацию новорожденных, браков и смертей приносила значительный доход. Вместе с помещиками и кулаками ксендзы кричали, что правительство «развращает» рабочих и батраков, которые стали смелее требовать увеличения зарплат и улучшения бытовых условий. Ведь многие богачи держали батраков на положении чуть ли не крепостных, а жилища последних порою были хуже, чем стойла для скота. В школах прогрессивные учителя отказывались теперь подчиняться ксендзам-капелланам, преподававшим закон божий и ранее всемогущим при власти хрисдемов. Ожидая, что вскоре будет принят закон об отделении церкви от государства и от школы, передовые преподаватели стали активнее вести борьбу против мракобесия.

Каждую субботу и воскресенье в разных местах Каунаса происходили традиционные осенние балы. Собираясь на свои вечера, танцевали студенты. В зале Тильманса и в Народном доме бурлили вечеринки рабочей молодежи. Там отдыхала демократическая публика. А высшее буржуазное общество устраивало балы в «Метрополе» и офицерском клубе «Рамове», в небольших залах, что обеспечивало ограниченность избранного круга посетителей. В тот сезон больше всего говорили о двух основных балах. Одним являлся благотворительный вечер в пользу общества «Капля молока» в «Метрополе», традиционно «президентский бал», постоянными покровителями которого считались президент республики и его супруга. Теперь в роли патрона присутствовал президент Гринюс, вдовец, 60-летие которого собирались торжественно отпраздновать 17 декабря. Характерно для каунасского «высшего света», какое внимание уделялось тогда сплетням на личные темы: поскольку Гринюс выглядел молодо, а люди, знавшие закулисные стороны его жизни, говорили о его близости к миловидной соломенной вдовушке Кристине Орловене, все утверждали, что к юбилею может быть сюрприз... Поскольку на этом балу присутствовал президент, здесь собрались

также члены правительства во главе с премьером, члены дипломатического корпуса и близкие к правящим кругам люди.

В офицерском же клубе шел бал под попечительством супруги бывшего премьера Бистраса. Конечно, присутствовал и сам Бистрас. Занимая одно время пост министра обороны, он установил прочные связи с офицерством. Большинство гостей составляли хрисдемы и их сторонники. Остроловы называли первый бал «балом позиции», а второй — «балом оппозиции» и в то же время подчеркивали, что участники одного охотно посещали другой, и нередко можно было наблюдать, как руки «оппозиционного» кавалера в вихре танца обнимали стан «позиционной» дамы. Не забуду довольно едкие слова, которые бросил по поводу этих балов старый политический деятель, бывший член российской Государственной думы от фракции трудовиков Янушкявичюс (М. Янушкевич). Он после одного карнавального вечера, в котором участвовал премьер Слежявичюс, желчно сказал: «Вот так стражи демократии! Здесь вокруг чертовщина, хрисдемы и фашисты откровенно ножи точат и грозят переворотом, а господин премьер-министр в дурацком колпаке отплясывает трепака. Это пир во время чумы!»

В один из ноябрьских дней я поехал в Ригу, где навестил свою семью и участвовал в заседании секретариата Союза учителей Прибалтики. Там я встретился со многими прогрессивными преподавателями Латвии и Эстонии и с некоторыми писателями. Все интересовались литовскими делами, поскольку газеты сообщали о демонстрации группы реакционно настроенных студентов в Каунасе. Вернувшись в Каунас, я узнал ее детали. Хрисдемовская газета «Ритас» («Утро») призвала «национально мыслящее» студенчество собраться на митинг «в связи с колонизацией и большевизацией Литвы». Митинг проходил в зале Народного дома. Его главными организаторами были хрисдемовские депутаты сейма, в том числе бывший министр внутренних дел Эндзюлайтис, которые постарались обеспечить, чтобы в зал попали только «свои люди». Ораторы из среды хрисдемовских активистов истерически вопили, что «левое правительство» ведет Литву к гибели. Главными виновниками они называли министра просвещения профессора Чепинскиса и министра внутренних дел В. Пожелу. Первому приписывали попустительство по отношению к польским националистам, в частности открытие большого количества польских школ, что, дескать, грозит колонизацией Литвы. Второго обвиняли в том, что он не препятствует деятельности левых профсоюзов, забастовкам рабочих, произнесению коммунистических речей на рабочих собраниях и празднованию юбилея Октябрьской революции. Эти ораторы называли ставших у руля власти «врагами литовского народа» и «красными комиссарами». Каждый эпитет сопровождался ревом возбужденных хрисдемовских молодчиков и воплями: «Долой!», «Расшибить им головы!», «Выбросить на свалку!».

Слышались также отдельные голоса протеста. Но они заглушались неистовым воем и криками: «Вон!», «Выбросить их в окно!» Когда студент Критутис попытался защитить политику правительства, его речь была прервана, а уже на улице Критутиса стали избивать. Демонстрация, намеченная после этого шумливого митинга, была запрещена, ибо узнали, что хрисдемовские студенты хотят разгромить профсоюзный центр, а коммунисты готовят контрдемонстрацию. Но хрисдемы, несмотря на запрет, всей толпой направились с пением гимнов к Военному музею. В некотором отдалении от Народного дома путь им преградила полиция. Разъяренные реакционеры с криками «Комиссарские агенты!», «Предатели!» набросились на полицейских, стали их избивать палками и прорвались. Некоторые полицейские попытались дать отпор, однако начальник полиции удержал их. Среди драчунов особой активностью отличился ксендз Бутвила. Он вступил в стычку с некоторыми гражданами, которые называли демонстрантов фашистами. Другой ксендз дубиной избивал полицейского. А Эндзюлайтис, как бывший руководитель полиции, открыто грозил своим прежним подчиненным.

Группа демонстрантов, собравшись у министерства иностранных дел, кричала: «Выдайте Чепинскиса и Пожелу!» Другая группа, перепрыгнув через ограду в сад Военного музея, буйствовала там, ругала правительство, выкрикивала: «Долой комиссаровских батраков! Долой социалистов и большевистских агентов!» Это происшествие 21 ноября реакционеры широко использовали для оголтелой пропаганды против правительства. Хрисдемовские газеты под кричащими заголовками изображали в обширных репортажах эту демонстрацию как «борьбу за свободу», во время которой «кровь текла ручьями». В статьях мелькали такие выражения, как «кровавое воскресе-

сень», «позорный день социал-масонской власти», «событие, вызывающее к небу омпущению», и т. п. Еще перед моим возвращением в Каунас, согласно данным министерства внутренних дел, было отредактировано официальное сообщение телеграфного агентства «Эльта». В нем был изложен ход событий, связанных с демонстрацией, и отмечено, что во время инцидентов ранено 7 полицейских и 4 лошади, а также задержано 13 демонстрантов, избивавших полицейских. Реакционные газеты воспользовались и этим случаем, чтобы вновь обругать «Эльту», называя ее «красной бочкой» и защитницей «кровавого произвола». Шум вокруг демонстрации долго не утихал. Но, с другой стороны, созывались и митинги, на которых звучали голоса протеста против фашистов. Такой митинг организовало, в частности, прогрессивно настроенное студенчество, требовавшее от правительства проведения более решительной антифашистской политики. В зале Тильманса на митинг собралось 2 тыс. рабочих, сообщавших о готовности принять свои меры, если фашисты еще раз осмелятся показаться на улицах Каунаса. На митинге безработных в Кибартай прозвучали требования урезонить реакционных главарей и разрешить свободно создавать рабочие организации для борьбы с фашистскими насильниками. Такие митинги проходили тогда во многих городах Литвы.

В подлинный парламентский скандал превратилось заседание сейма от 23 ноября. Оно созывалось по случаю 75-летия деятеля национального движения Ионаса Басанавичюса и в связи с Днем армии. Но из-за шума, который специально производили хрисдемы, никто не мог расслышать ни слов о заслугах Басанавичюса, произносившихся председателем заседания Стаугайтисом, ни речей об армии. Хрисдемы выкрикивали ругательства и требовали немедленного осуждения внесенного ими запроса. Характерно, что под запросом подписались не только хрисдемы, но также представители таутининков и партии сельских хозяев. Это означало, что силы правой оппозиции в сейме росли. Реакционеры умолкли и стали слушать ораторов только тогда, когда выступил «их человек» Сметона.

5. Накануне

Политическая атмосфера все больше накалялась. Из провинции поступали известия об усиливающейся активности клерикалов, об открытых призывах к свержению правительства. Ксендз Стакяле в Зарасайском уезде во всеуслышание агитировал верующих организоваться против левых. В Радвилишкисе ксендзы организовали настоящий штаб для действий против профсоюзов и «безбожников». Хрисдемовский депутат Амброзайтис, разъезжая по провинции, провозглашал, что хрисдемам остается одно из двух: или капитулировать, или прибегнуть к восстанию. Он предлагал готовиться, чтобы в ближайшее же время свергнуть «этих хулиганов». С открытым призывом к свержению «власти комиссаров» выступил в сейме хрисдемовский депутат Тримакас. Когда председатель пригрозил передать стенограмму его речи прокурору, за Тримакаса вступился Вольдемарас, утверждавший, что это означало бы ограничение депутатской свободы.

После бурного обсуждения в сейме запроса о действиях полиции во время студенческой демонстрации хрисдемы повели новые атаки на правительство. При поддержке таутининковской группы Сметоны они вносили все новые запросы по внутренним и внешнеполитическим делам. Очередной из запросов, по счету двенадцатый, касался положения в армии. Министра обороны Папечкиса обвиняли в разглашении военных тайн, в «партийном подходе» к увольнению офицеров, в опубликовании послужного списка полковника Григальюнаса-Гловацкиса с целью компрометации последнего. Хотя запрос был отвергнут, его обсуждение взбудоражило офицерские круги. Как раз в это время пришлось столкнуться с Григальюнасом и мне. Поскольку его послужной список был опубликован через бюллетень «Эльты», он возбудил судебное дело против меня как руководителя этого телеграфного агентства. Суд отверг иск, но реакционная печать воспользовалась поводом для новых нападков на меня и на «Эльту».

В те же дни я познакомился с рядом писателей старшего поколения. Это произошло на вечере, посвященном 20-летию писательской деятельности В. Креве-Милкявичюса. Вечер произвел на меня тяжелое впечатление. Театр, в котором чествовали

писателя, считавшегося классиком литовской литературы, был почти пуст. Эта пустота символизировала собой презрительное отношение «высшего света» к культуре, литературе и искусству. Основным стремлением буржуазии было обогащение. Почти незамеченной прошла и пятилетняя годовщина со дня смерти популярной в народе прогрессивной писательницы Жемайте. Только известный филолог профессор Яблонскис поместил по этому поводу статью, в которой сетовал, что затягивается публикация ее произведений. Передовое студенчество отметило память о Жемайте собранием, на котором прочитал лекцию молодой литературный критик П. Анцявичюс. Там я впервые услышал крылатую фразу, произнесенную Жемайте после ее возвращения из Америки: «Я вернулась в Литву, но Литвы не нашла». Так проявила писательница свое отношение к захватившей власть буржуазии.

В том же номере газеты, в котором Яблонскис писал о Жемайте, было помещено стихотворение молодой поэтессы Саломеи Нерис «Заход солнца». Затем появилось в печати стихотворение Пятраса Цвирки «Первые снежинки». Это были те начинающие литераторы, с которыми впоследствии у меня оказалось много общего. Если у светской публики литературные явления вызывали мало интереса, то большее внимание привлекали политические сенсации. Орган правящей партии ляудиников «Летивос Жиниос» начал печатать разоблачения пресловутого Поворотникаса. Этот молодой человек опубликовал «исповедь» о своей провокационной деятельности во время выборов. Он рассказывал, как в поисках заработка стал хрисдемовским агитатором; как отличался, организуя срыв левых митингов и собраний; как затевал скандалы и драки, которые давали полиции повод запрещать такие митинги; как создавал шайки хулиганов и фанатиков из рядов хрисдемовской молодежи. Они срывали плакаты враждебных им партий, уничтожали их предвыборную литературу и угрожали расправой тем, кто агитировал против хрисдемов.

Поворотникас сознавался также в чисто провокационной работе, которую вели эти шайки по заданию руководства хрисдемов. Прикидываясь агитаторами от «левых» партий, провокаторы говорили о немедленной ликвидации всякой собственности, о закрытии костелов и разгоне ксендзов, об организации «коммун» с общим котлом, с общими для мужчин и женщин банями, с национализацией женщин и т. п. Вся эта брехня и хулиганская деятельность хорошо оплачивались как из хрисдемовской партийной кассы, так и министром финансов Карвялисом. «Исповедь» осталась незаконченной. Последний отрывок из нее был помещен 11 декабря. Беспринципный авантюрист, Поворотникас без зазрения совести брал ранее деньги у хрисдемов и избивал ляудиников, а теперь он сделал поворот на 180° и решил в очередной раз заработать, разоблачая бывших хозяев.

Однажды ко мне в кабинет пришел бывший сотрудник хрисдемовской газеты А. Дедяле и выразил пожелание откровенно поговорить со мной. Он раскрыл такие факты, которые были для меня полностью неожиданными. Поскольку Дедяле поддерживал связь со старыми знакомыми из среды хрисдемовских журналистов, он имел возможность узнать кое-что о закулисной деятельности клерикальных кругов, например, о тайных собраниях членов организации хрисдемовских студентов, готовившихся к перевороту. В собраниях принимали участие и клерикально настроенные офицеры. Имели место и тайные совещания одних офицеров. На них конкретно обсуждались вопросы о свержении правительства. После демонстрации от 21 ноября среди клерикалов и фашиствующих правительство открыто стали называть властью «палачей» и «комиссаров», которых надо свергнуть, чтобы спасти Литву от большевиков, а костел — от безбожников и люциферов. Хрисдемы на деле готовились к перевороту при помощи армии, военизированной организации стрелков «Жаулис» и католических студентов.

Обдумав эту секретную информацию, я решил предупредить правительство, хотя и полагал, что оно, вероятно, знает о намерениях хрисдемов. Сначала я хотел рассказать все премьеру Слежявичюсу, но потом передумал: премьер-министр мог обвинить меня в паникерстве, тем более что он еще недавно твердо заявлял об устойчивом положении правительства. Поэтому я решил поделиться этими тревожными новостями с Борткявичене, которая, будучи членом руководства партии ляудиников, передаст их и премьеру и президенту. Дело облегчалось тем, что Борткявичене всегда относилась ко мне с симпатией и оказывала поддержку. «Старушка», как

обыкновенно называли ее, внимательно выслушала мой рассказ и предложение обратиться к народу и создать вооруженные отряды защитников демократии из рабочих, крестьян и прогрессивной интеллигенции, а затем сказала, что правительство знает о планах хрисдемов и фашистов, ибо политическая полиция располагает такими сведениями. Когда будет собрано достаточно веских улик, правительство предпримет решительные меры.

Говоря о правых заговорщиках, Борткявичене утверждала, что, хотя они ничего не добьются, ибо положение правительства крепкое, могут произойти кровавые столкновения, причем даже краткая вспышка гражданской войны грозит большой опасностью. Внутренними беспорядками может воспользоваться Германия и занять Клайпедскую область, а со стороны пилсудчиков опасность грозит всей Литве. Планы переворота она называла зловещей игрой с огнем, которую ведут хрисдемы, желая спасти свою шкуру и боясь судебной ответственности за растраты и различные махинации, а одновременно ставят под угрозу судьбу государства. Мои предложения об организации вооруженных отрядов она раскритиковала. Если будут созданы отряды для защиты демократии, то и другая сторона может создать свои отряды. А при наличии двух вооруженных лагерей неизбежны столкновения. Правительство же обладает достаточными средствами для предотвращения всяких попыток переворота. Правда, в армии имеются сомнительные элементы, которых придется заменить. Но в основном армия здорова, без колебаний встанет на защиту демократии.

Назад в «Эльту» я шел успокоенный. Если правительство знает об опасности и готовится, то, можно верить, заговор пройдет без серьезных последствий. Правда, Борткявичене пожаловалась, что работа политической полиции ослаблена и запущена, что людей там недостаточно... Впоследствии я узнал, что о готовившемся перевороте непосредственно Слежявичюсу сообщили один служащий авиационного полка и советский посол. Что касается общих настроений правительственных кругов, то с ними я еще раз столкнулся, когда по долгу службы присутствовал на съезде партии ляудининков, открывшемся 6 декабря. Там вновь прозвучали заверения премьер-министра Слежявичюса, что правительство сумеет любой силе противопоставить силу и одолеть все опасности, что будут пресекаться незаконные действия как фашистов, так и коммунистов (!). Он заявил далее, что некоторые участники левой демонстрации от 13 июня приговорены к тюремному заключению, и «пригрозил» фашистам и хрисдемам, которые ведут подрывную работу.

Зал, в котором собралось более 300 делегатов, аплодировал Слежявичюсу, особенно когда он говорил о борьбе против фашистов. С энтузиазмом было встречено сообщение премьера о заключении договора с СССР, об упрочении дружественных отношений с великой страной строящегося социализма. Выступления в прениях были бурными и острыми. В центре внимания стоял вопрос о борьбе с фашизмом и клерикализмом. Ряд более левых ораторов упрекал правительство за поправки фашистам и реакционерам. Резко высказался депутат А. Торнау. Назвав политику правительства «керенщиной», он потребовал выполнения обещаний, которые давались во время предвыборной агитации; иначе народ отвернется от правящих кругов как от демоогов. Торнау отметил, что очень слабо ведется работа по очищению правительственного аппарата и армии от фашистов, что суды наказывают реакционеров несколькими днями ареста. Другие делегаты говорили, что вожди ляудининков оторвались от народа, не слышат его гласа, не знают его дум и настроений. Речи лидеров партии и министров они сравнивали с «соловьиным щебетаньем». Делегат Мельянкас, осуждая правительство за отсутствие политической бдительности и либерализм по отношению к реакции, сказал, обращаясь к Слежявичюсу: «Если вы и дальше будете продолжать такую либеральную политику по отношению к фашистам, то они скоро снимут с вас штаны».

В разговорах с делегатами я чувствовал, что всех беспокоит судьба республики и те ростки демократии, которые удалось отвоевать у клерикальной реакции. Каждый рассказывал об усиливающейся активности хрисдемов, фашистов и иных реакционеров. Слышались голоса возмущения по поводу того, что против коммунистов у правительства отыскиваются законы, которые дают возможность подвергать их суровым наказаниям; а чтобы судить фашистских заговорщиков за открытые призывы к перевороту, законов не находят. Буквально через несколько дней после

съезда ляудинников произошло событие, которое, казалось бы, подтверждало, что общие антифашистские настроения были учтены правительством. Сообщалось об аресте Григальюнаса-Гловацкиса, конфискации нового номера его газеты «Таутос валя» и закрытии ее вплоть до решения суда. Фашиствующий тип привлекался к ответственности за распространение клеветнических слухов, подрывающих дисциплину в армии, за оскорбление правительства и призывы к его свержению, за незаконное присвоение самому себе воинского звания полковника.

Тут реакция подняла невообразимую шумиху, обвиняя правительство в преследовании патриотов, а лжеполковника превознося как «героя войны за независимость». Незадолго перед тем одна хрисдемовская газета поместила провокационную заметку о «наплыве красноармейцев в Каунас», утверждая, что в каунасских магазинах и на улицах показались «подозрительные люди», расхаживавшие группами по 10—15 человек и открыто называвшие себя «приезжими из Москвы». Это, мол, переодетые красноармейцы, которые свободно пропускаются в Литву. Распускались самые невероятные слухи для того, чтобы убедить легковеров в «красной опасности» и возбудить народ против правительства. Новую бурю среди правых вызвал арест другого военного оппозиционера, известного держиморды и палача майора Пলেখавичюса.

Правительство между тем готовилось отметить 60-летие президента Гринюса. Об этом напоминали не только газеты, но и разосланные приглашения на торжественный раут 17 декабря во дворце президента. Была подготовлена широкая программа торжеств, намеченных на целый день, начиная с богослужения за благополучие республики и ее президента и кончая раутом, начало которого установили в 22 часа. Работая в «Эльте», поглощенный заботами о журнале и посещая лекции в университете, я был занят делами по горло. А тут еще приходилось выкраивать время для написания статей и другой литературной работы. В официозной газете «Летува» 14 декабря была напечатана моя статья о литовско-польском конфликте. А 15 декабря передовица газеты была посвящена новому запросу в сейме, внесенному хрисдемами и группой Сметоны. На сей раз правительство обвинялось в аресте «достойных мужей народа» Григальюнаса-Гловацкиса и Пলেখавичюса, между тем как «большевики безнаказанно призывают к вооруженному восстанию и кровавой расправе с интеллигенцией».

Поскольку запрос был тринадцатым, среди суеверных лиц пошли разговоры, что именно этот запрос может свергнуть кабинет министров, который тоже был по счету тринадцатым. Об этом упоминалось даже в передовой статье правительственного органа, причем утверждалось, что новый запрос очень слабо аргументирован, а те, кто верит в магическую силу числа «13», будут разочарованы, ибо оно положение правительства не поколеблет. Хрисдемы же постарались использовать событие для новой атаки на правительство. Это было одно из самых бурных заседаний сейма. Оправдываясь перед оппозицией, «левые» доказывали, что репрессии направлены не только против правых, а и против коммунистов. Так, в Паневежисе закрыты шесть профсоюзв и арестованы некоторые коммунисты. Вскоре в «Летувос Жиниос» было помещено известие о переменах в составе правительства. Заявление об отставке подали наиболее ненавидимые правыми министр внутренних дел В. Пожела и министр просвещения В. Чепинскис.

Эти перемены общественность расценивала как бегство социал-демократов из правительства и уступку реакционерам. Откровенно говорили, что немалую роль в отставке Пожелы сыграла его жена, которой надоели постоянные нападки на ее мужа со стороны правых, считавшихся ею «порядочными людьми», тем более что он сможет теперь возвратиться к более спокойной и значительно более выгодной в материальном отношении адвокатской деятельности. Говорилось также, что можно ожидать дальнейшего поправения правительства, ибо среди части ляудинников наблюдалась тенденция искать сближения с хрисдемами.

Каунас между тем готовился к юбилею президента. Газета «Летувос Жиниос» 16 декабря сообщила, что на следующий день выйдет расширенный номер со многими материалами, посвященными Гринюсу. Извещалось также о подготовке к торжествам во всех городах Литвы. Какой-то купец призвал своих коллег украсить витрины магазинов портретами президента. Хрисдемовская же газета «Ритас» поместила статью с отрицательной характеристикой Гринюса. Правительственная «Ле-

тува» опубликовала сообщение, что президента будут поздравлять представители армии. Готовя к печати свой журнал, я обрадовался оригинальному графическому портрету президента, который нарисовал и уступил мне поэт Тильвитис, и подумывал о тексте соответствующей заметки.

6. Переворот

Наступило утро 17 декабря. По обыкновению я рано вышел из дома, направляясь в «Эльту», от которой жил неподалеку. Был довольно пасмурный зимний день. На углу улиц Донелайчио и Мицкевича стояла группа людей, которые читали какую-то бумагу, приклеенную на стене дома. Приблизившись, я прежде всего заметил необычную подпись: «Временная военная власть». «Переворот!» — мелькнула первая мысль, и дрожь пробежала по телу. Поспешно прочитал это сообщение «К общественности», как гласил заголовок. Там говорилось: «Литовская армия... увидев, что нынешние сейм и правительство продают нашу родину большевикам и инородцам, решила временно взять власть в свои руки, чтобы немедленно передать эту власть сынам Литвы. В стране объявляется военное положение, а в Каунасе — осадное положение. Всем приказывается выполнять свои обязанности; не выполняющие своих обязанностей будут преданы военно-полевому суду».

Люди безмолвно читали сообщение и столь же безмолвно расходились. Чуть ли не бегом я поспешил в «Эльту», горя желанием поскорее узнать о происходящем. Едва вошел в кабинет, как меня пригласил к себе доктор Шаулис, директор административного департамента МИДа. Хотя мы были мало знакомы, он как-то тепло поздоровался и спросил, что известно мне о перевороте? Прочитав текст расклеенного сообщения, я еще ничего не успел узнать и сказал, что, вероятно, хрисдемы выполнили свои угрозы. «Кажется, не столько хрисдемы, сколько Сметона. Это его план. Будем иметь диктатуру Сметоны», — ответил Шаулис. Он рассказал, что переворот совершили офицеры под руководством Плехавичюса, который был освобожден с гауптвахты. Из тюрьмы освобожден и Григалионас-Гловацкис, назначенный теперь комендантом Каунаса. Офицеры ночью пришли в сейм и разогнали его. Все члены правительства взяты под стражу, а президент Гринюс содержится под домашним арестом. «Вот каким получился юбилей президента! Это опасная авантюра, очень опасная!» — воскликнул Шаулис, прощаясь, и просил меня сообщать о всех новостях, какие только узнаю.

Вернувшись в «Эльту», я нашел сотрудников, которые делились новостями о ночных событиях. Оказывается, во время заседания, посвященного обсуждению бюджета, которое хрисдемы и таутиники своими длинными речами нарочно затягивали до условленного времени, около 3 часов ночи в зал вошла группа офицеров, главным образом из авиации. Они потребовали закрыть заседание и разойтись, заявив, что они действуют от имени диктатора. Председательствовавший, лидер социал-демократов Кайрис, пытался спорить, но офицеры дали на размышление две минуты. Через окна депутаты увидели на улице отряд кавалеристов, окруживших здание. Кайрис объявил заседание закрытым, и депутаты мирно разошлись. «Неужели никто не пытался сопротивляться?» — спросил я. Нет, никто из депутатов не проявил мужества, чтобы хоть словом осудить фашистское насилие. Впоследствии один журналист, живший вместе с членом сейма ляудининком Ралисом, рассказывал, что сей депутат, вернувшись домой после этого заседания, лег в кровать и спокойно заснул. И только проснувшись, он рассказал о разгоне сейма.

Утром 17 декабря положение оставалось неясным. Казалось невероятным, что не найдется сил, которые встали бы на защиту правительства. Но будет ли защищаться правительство, или оно капитулирует, чтобы не развязать гражданской войны? Тем же утром стало известно, что против заговорщиков был направлен отряд военной полиции. Но дело окончилось переговорами, и отряд вернулся в казармы. Согласно другим сведениям, начальник штаба армии полковник Шкирпа, узнав о перевороте, поспешно выехал из Каунаса в сторону Мариамполя, где стоял верный правительству полк, которым командовал полковник Виткаускас. Но Шкирпа был в пути задержан и возвращен в Каунас. О правительстве было известно, что оно содержится под охраной в генеральном штабе, а Гринюс — в президентском дворце.

Ставший военным диктатором Плехавичюс разослал всем воинским соединениям от имени Временного правительства телефонограмму, в которой потребовал беспрекословного повиновения и предлагал немедленно арестовать «большевистских агентов».

Едва я появился в «Эльте», как стали раздаваться звонки. Редакторы газет и иностранные корреспонденты требовали новостей и официального сообщения о событиях, о которых за границей уже распространялись всевозможные слухи. В получаемых Берлином, Лондоном, Парижем и Нью-Йорком частных телеграммах сообщалось о кровопролитных боях на Зеленой Горе в Каунасе между повстанцами и правительственными войсками; о диктаторе Плехавичюсе, который грозит расстрелять членов правительства, если оно не капитулирует; о полках, направляющихся из провинции в Каунас на поддержку правительства. В свою очередь, мы получали телеграммы от различных телеграфных агентств с запросами о событиях. Сообщив об этом директору политического департамента МИДа Балутису, я уверил его в необходимости срочно передать официальное сообщение. Балутис рассказал мне, что в генеральном штабе ведутся переговоры о «легализации переворота» и создании нового правительства. При этом он сообщил, что во главе страны будет стоять Сметона, которому военные передают всю власть. При мне Балутис позвонил в генеральный штаб и попросил подготовить официальное сообщение, чтобы «Эльта» могла бы передать его за границу во избежание кривотолков, которые могут быть использованы во вред Литве. Он говорил категорическим тоном и сердито, видимо, столкнувшись с возражениями или нежеланием заниматься такими делами. «Переворот переворотом, но порядок должен быть!» — резко сказал Балутис и добился обещания о присылке текста официального сообщения.

Я вышел в город. От встречных знакомых слышал как уже известные, так и неизвестные новости. Особенно упорно говорили о полке в Мариамполе и артиллерийском соединении в Кедайняй, которые будто бы собирались двинуться или даже двинулись на Каунас против заговорщиков. Около здания, в котором размещались министерство обороны и генеральный штаб, стояли броневики. Движение было там весьма оживленным, офицеры и генералы входили и выходили. Такое же оживление было заметно около комендатуры. Не очень приятно стало на душе, когда подумал, что теперь комендантом города назначен мой злобный враг Григалюнас-Гловацкис. Хотелось зайти в редакцию «Легувос Жиниос», но там стояла военная стража, преграждавшая вход. Проходя мимо почты, подумал, что не худо бы послать телеграмму Гринюсу. Если бы не переворот, здесь, вероятно, стояла бы длиннейшая очередь лиц, посылающих президенту телеграммы. А теперь, когда я передавал поздравительную телеграмму арестованному Гринюсу, на меня посмотрели, как на рехнувшегося.

Газеты в тот день не вышли, зато слухов было полным-полно. Журналисты говорили о все еще продолжавшихся переговорах в штабе, об угрозе Плехавичюса расстрелять всех министров, если они будут упорствовать. Мало кто сомневался, что Слежявичюс капитулирует перед заговорщиками. Но были еще такие, кто верил, что на помощь законному правительству придут полки из провинции, особенно артиллеристы из Кедайняй, которые находились всего в 50 километрах от Каунаса. Многие ожидали, что наступающая ночь будет кровавой. Однако она оказалась вполне спокойной. Никакие полки из провинции не появлялись. Только в «Эльту» продолжали поступать с разных сторон телеграммы, полные самых фантастических измышлений о баррикадах и упорных битвах в Каунасе. Лишь поздно вечером из «Эльты» удалось послать во все телеграфные агентства мира официальное сообщение. В нем говорилось о военном перевороте, который возглавили полковник Скорупкис и майор Плехавичюс, и о переговорах по образованию нового правительства.

На следующий день, 18 декабря, положение прояснилось. Были опубликованы официальные извещения о смене правительства. В заявлении на имя Гринюса правительство Слежявичюса сообщало о своей отставке. В другом заявлении уже оба, Гринюс и Слежявичюс, обращались к А. Вольдемарасу, поручая ему составить новый кабинет. Третьим актом явилось утверждение кабинета министров, в который вошли наряду с таугининками три хрисдема. Таким образом, как будто бы сбывались те чаяния хрисдемов, с которыми они шли на выборы сейма: «Если победим на выборах, власть будет нашей; если потерпим поражение, все равно станем править». Правда, в новом правительстве хрисдемам выпали пока лишь посты министров финансов, про-

свещения и госконтроля. В тот же день диктатор Плехавичюс обратился к А. Сметоне как к «первому создателю Литвы» и от имени Временной военной власти попросил принять на себя «бремя вождя государства и стать во главе народа». Сметона выразил согласие.

Так помещик Плехавичюс посадил на президентский трон усердного защитника помещичьих интересов Сметону. Печальным выдался юбилей Гринюса. Вместо приноса утренних поздравлений офицеры ночью пришли его арестовать. Вместо праздника буржуазной демократии получились ее похороны. Вместо распоряжений о торжественном рауте Гринюсу пришлось подписать заявление об отставке «правительства подлинной демократии», как его называли ляудининки, и утвердить правительство фашиствующего Вольдемараса. Гринюс долго упорствовал и не хотел подписывать декларации, которые ему подсовывали. Наконец, он потребовал от Вольдемараса письменной гарантии, что будет соблюдаться конституция. Тот с легким сердцем подписал бумажку. Так бесславно закончилась власть буржуазной демократии, которая продержалась в Литве шесть месяцев. Реакционеры не только не побоялись возможности возникновения гражданской войны и связанной с этим опасности, грозившей со стороны Польши и Германии, но даже спекулировали этой угрозой, используя ее как главный аргумент для того, чтобы заставить правительство Слежявичюса капитулировать и легализовать военный переворот. «Демократы» же убоялись народа и вместо того, чтобы мобилизовать массы и создать Народный фронт против фашистов, клерикалов и иных реакционеров, предпочли сдаться, не сжигая мостов, которые могли бы привести к сговору с хрисдемами.

Утром 19 декабря, узнав, что созывается заседание сейма, я поспешил туда. У здания толпилось много народа. Входные билеты проверяли офицеры-летчики, активные участники переворота. Взглянувший на мой пропуск офицер бросил мне в лицо: «А, директор красной «Эльты»! Надо бы его потрясти! Ну, иди, смотри!» Зал был переполнен, среди публики находилось множество офицеров, чувствовалась напряженная, нервная атмосфера. На скамьях депутатов виднелись хрисдемы, малочисленные группы таутининков, партии сельских хозяев и клайпедцев. Пустовали места ляудининков и социал-демократов, многие из которых находились под домашним арестом, а другие бойкотировали заседание. Не пришло и большинство депутатов от национальных меньшинств. На правительственных местах сидели Вольдемарас и новые министры, в их числе бывший премьер, лидер хрисдемов Вистрас, ставший теперь министром просвещения.

Заседание было назначено на 12 часов, но начало затянулось. Председатель сейма И. Стаугайтис после переворота скрылся у своего коллеги, врача Мажилиса. Его с трудом отыскивали и долго уговаривали прибыть в сейм. Наконец, около 14 часов Стаугайтис открыл заседание. Он прочитал заявление Гринюса об отставке с поста президента и заявил также о своей отставке, предложив избрать нового председателя сейма. Выяснилось, что из 85 депутатов на заседании присутствуют 42, то есть меньшинство. Несмотря на отсутствие кворума, 33 голосами председателем сейма был избран депутат от хрисдемов, бывший президент А. Стульгинскис. Затем последовали выборы нового президента республики. Стульгинскис зачитал статью конституции, в которой говорилось, что президент избирается абсолютным большинством голосов депутатов и тайным голосованием. После голосования он огласил протокол: 38 голосами президентом избран А. Сметона. Офицеры и в основном специально подобранная публика огласили зал приветственными возгласами, устроив бурную овацию. Затем в присутствии архиепископа Сквирецкиса Сметона принес присягу. Именем бога он поклялся соблюдать конституцию и законы, быть для всех одинаково справедливым и честно выполнять свои обязанности, а в подтверждение клятвы поцеловал крест и евангелие.

После этой церемонии Сметона направился в находившийся рядом дворец президента. Его окружали офицеры, которые ночным переворотом смели буржуазно-демократический строй и передали власть диктатору и группе таутининков. Эта группа имела в сейме только трех депутатов, да и те прошли туда благодаря остаткам голосов сверженных ныне ляудининков. Во дворце Сметону встретил Гринюс, который «передал ему кормило власти», как торжественно писала официозная «Летува». Затем Сметона поехал в генеральный штаб. Собравшимся там офицерам он не преминул на-

помнить о своих «заслугах» как президента страны в 1919—1920 гг. и подчеркнул роль армии, вместе с которой он будет «писать новую страницу истории».

7. Террор

Рожденная при помощи грубого насилия и обмана власть фашистов и клерикалов стала писать эту новую страницу кровью. Комендант Каунаса Григалиюнас-Гловацкис приказным порядком ввел ряд запретов и предписаний, грозя за их нарушение военноплевым судом. Первыми актами нового правительства и президента явились введение в Литве военного положения и лишение граждан политических прав, гарантированных конституцией. Сразу же после переворота начались аресты коммунистов. Утром 17 декабря были арестованы секретарь ЦК КП Литвы Каролис Пожела, Грейфенберггерис, Гловацкас, Адамаускас, Абрамавичюс, Гиедрис, Вицас, Чарнас и другие. За короткое время схватили и бросили в казематы несколько сот коммунистов. Зато немедленно вернулся в страну бывший при хрисдемах начальником политической полиции Рачис. Этот держиморда, прославившийся как организатор провокаций и пыток, после поражения хрисдемов убежал в Германию, а теперь принялся за старое ремесло. Сообщая в печати о произведенных арестах, Рачис утверждал, что будто бы найдены документы, свидетельствующие о «перевороте», который готовили коммунисты. Появились также сведения о том, что многие коммунисты и социал-демократы успели эмигрировать.

Тяжело было на душе у всех, кто ранее надеялся, что при «левых» Литва становится на путь, который сможет повести ее к прогрессу. Ведь казалось, что выброшенные из правительственного седла хрисдемы и другие реакционеры никогда более не смогут сесть народу на шею. «Эх, вы, наивные политики! — восклицал студент Каждайлис, когда мы в кругу друзей обсуждали события. — Буржуазия играет в демократию и парламентаризм, если это ее устраивает. А вот когда реакционеров выбросили по всем правилам в дверь, они без всяких правил влезли в окно. Теперь им уже ни демократии, ни парламентаризма, ни законности не надо». Каросас рассказывал о сцене, которую он наблюдал в сейме во время выборов Сметоны. После церемонии присяги к Сметоне подошел активнейший лидер хрисдемов ксендз Крупавичюс и крепко пожимал руку новоизбранному президенту; затем подошел Вольдемарас и сжал обе соединенные руки, как бы скрепляя союз двух недавно еще враждовавших между собой реакционных групп — хрисдемов и таутиников, теперь поделивших власть. «Вот так поделили! — ответил Каждайлис. — Таутиники взяли себе петуха, а хрисдемам отдали перья. Хрисдемы радуются, захватив руководство сеймом из-за отсутствия депутатов бывших правительственных фракций. Но теперь сейм не более, чем пустой мешок. А таутиникам не жаль пустого мешка, пусть радуются хрисдемы, а сами они твердо взяли в свои руки реальную власть, имея пост президента и важнейшие министерства».

— Но хрисдемы могут сговориться с ляудиниками, создать коалицию и свергнуть таутиников, если повздорят с ними, — заметил Каросас. «Нет, Сметону теперь не проведешь, — ответил Каждайлис. — Раз он до власти добрался, теперь его только дубинкой и выгонишь! Кто пришел к власти путем переворота, перед тем лишь два выхода: или власть иметь, или на виселице висеть. Достаточно подучился он в 1920 г., когда на выборах его партия не получила ни одного места и он должен был уйти с поста президента. Нет, теперь никакими парламентскими коалициями его не спихнуть!» Затем Каросас рассказал о событиях в Кедайняй, где артиллерийский полк, поднятый прогрессивно настроенными офицерами, находился 17 декабря на пути в Каунас. Но по дороге его встретил вернувшийся из Каунаса командир полка, который сообщил, что правительство Слезявичюса уже капитулировало и некого больше защищать. Полк вернулся в Кедайняй, где вскоре было арестовано много его офицеров.

Я вместе с товарищами глубоко переживал бессилие демократических сил и тогдашнее торжество фашизма и реакции. И без того Литва прославилась различными политическими абсурдами, а теперь еще такой «прыжок в темноту», как называла переворот левая печать за границей. Недавно казалось, что Литва начинает посте-

пенно вылезать из болота отсталости и мракобесия; вроде бы повеяло чем-то свежим и бодрящим; а теперь опять ее столкнули в болото. Снова полная свобода только у клерикалов и реакционеров, а всякая прогрессивная мысль, всякая полезная инициатива будут подавляться и душиться. Когда я высказывал эти горестные мысли, Каждайлис горячо воскликнул: «Вот к чему приводят демократы, играющие в демократию; мнимые революционеры, пугающиеся революции; псевдосоциалисты, боящиеся социализма. Что ж, теперь начнется игра без масок. Буржуазия показала свое лицо. Пойдет борьба, острая и тяжелая».

20 декабря мне впервые довелось встретиться с новым премьером Вольдемарасом. Захватив одновременно пост министра иностранных дел, он стал теперь моим начальником, поскольку я пока еще работал в «Эльте». В Каунасе приехало много иностранных корреспондентов, которые осаждали «Эльту» и добивались интервью с новым премьером. Вольдемарас охотно согласился, и вскоре вместе с журналистами я слушал его пространное разъяснение о перевороте, противоречивое и путаное. Вольдемарас обвинял старое правительство в том, что оно «либеральничало» по отношению к крайне левым элементам, якобы готовившимся захватить власть. Но тут же он стал доказывать, что большевики не имели никаких перспектив взять власть, ибо создание Советской республики в Литве тотчас вызвало бы оккупацию ее Польшей. Затем он стал развивать другую версию, утверждая, что не большевики, а Пилсудский планировал захват Литвы. С этой целью «поляки» спровоцировали заговор «левых», чтобы Польша, воспользовавшись междоусобицей, могла бы вмешаться и занять Литву под видом оказания помощи ее правительству. Эти агрессивные планы, мол, были разгаданы военными, которые совершили переворот. Успех переворота Вольдемарас использовал для доказательства слепоты и беспомощности старого правительства, которое было заражено «духом керенщины». Он неоднократно повторял, что стоявшие у власти ляудиники проявили большую уступчивость и помогли легализовать новую власть, за что радостно выражал им благодарность и даже надежду, что со временем партия ляудиников войдет в правительственную коалицию.

Узнав, что с редакции «Летувос Жиниос» снята охрана, я решил туда навестись. Старушку Борткявичене нашел удрученной. Она предупредила, чтобы я был осторожным, ибо за всеми входящими ведется слежка. Затем рассказала об арестах. В Каунасе ляудиники и социал-демократы освобождены из-под стражи, но схвачено много коммунистов, да и вообще под видом коммунистов задерживают прогрессивных людей. Когда я сказал, что нельзя так просто смириться, что неужели никто не думает о борьбе против фашистов, Борткявичене согласилась, что немедленно следует начинать борьбу. Узнав, что я собираюсь на новогодний праздник поехать в Ригу к семье, она обрадовалась. Оказывается, уже возникла мысль об издании за границей литовской антифашистской литературы; Рига для этого достаточно подходящее место. После короткого совещания было решено издавать газету. Здесь же решили назвать ее «Ляудес балсас» («Голос народа»). Было известно, что в Риге находятся несколько политических эмигрантов. С ними я должен связаться. Политическая атмосфера в Латвии была более благоприятной потому, что в те дни там образовалось социал-демократическое правительство, в котором, в частности, передовой поэт Янис Райнис (Я. К. Плиекшан) занял пост министра просвещения.

«Опять, как при царизме, во времена политических запретов, надо будет печатать за границей и тайно провозить издания в Литву,— печально промолвила Борткявичене.— Вот боролись за демократию, а пришла шайка жуликов и сразу поправа все права и свободы». Пока вырабатывались наши планы об издании газеты, в Каунасе уже распространялись листовки за подписью ЦК Компартии Литвы и ЦК Комсомола Литвы. В них разоблачалась ложь фашистов, уверявших, будто коммунисты готовили восстание или хотели спровоцировать вмешательство Пилсудского с целью «помочь» ему захватить Литву». «Мы, коммунисты, и раньше писали и теперь еще раз подчеркиваем, что в настоящий момент в Литве нет революционной ситуации и никакого восстания мы не готовили. Коммунисты противились и противятся планам Пилсудского о захвате Литвы. Коммунисты уже давно указывали на угрозу независимости Литвы со стороны фашистов». Прокламация заканчивалась призывом бороться общими силами против банды фашистских палачей, захвативших власть.

Собираясь в Ригу, я снова зашел к Борткявичене, которая передала мне деньги на газету и несколько рукописей для первого ее номера. Тяготясь своим положением в «Эльте» при реакционной власти, я посоветовался, не лучше ли самому уйти, не ожидая, пока заставят. Она рекомендовала не спешить, ибо, находясь в «Эльте», я могу быть полезным демократии, а уйти все равно придется. В Риге все друзья с волнением расспрашивали о перевороте и возмущались, как это правительство Слехявичюса так быстро уступило реакционерам. Затем я встретился с некоторыми латышскими социал-демократами, информировал их о ситуации и просил поддержки в борьбе против сил фашизма. Быстро разыскал политического эмигранта, агронома В. Мицкуса, о котором мне говорили в Каунасе. Найти его помог мой бывший ученик А. Суковскис, оказавшийся теперь весьма активным и полезным работником. Мы привлекли к делу еще кое-кого как из числа прогрессивно настроенных рижан, так и из рядов эмигрантов и договорились об организации газеты. Некоторые друзья советовали мне остаться в Риге, где было бы поспокойнее. Но я не согласился, ибо это явилось бы бегством с поля борьбы. С этим согласилась и моя жена Геновайте, поддержавшая решимость сражаться против фашистов. «Я люблю Литву, но мне опять стыдно за нее», — сказал журналист Мачюлис, провожая меня на поезд.

Едва вернувшись в Каунас, я увидел в газете потрясшее меня сообщение: накануне, 27 декабря, были расстреляны четыре коммуниста: секретарь ЦК КП Литвы Каролис Пожела, член ЦК Юозас Грейфенбергерис, член ЦК МОНР Казис Гедрис и член ЦК Комсомола Литвы Раполас Чарнас. Осужденный вместе с ними Ф. Абрамавичюс был приговорен к бессрочной каторге, а И. Шелуга — к 8 годам каторги. «Вот тебе и бескровный переворот, о котором разглагольствовал Вольдемарас! — сказал я Каросасу, который тоже был глубоко взволнован событием. — Это ведь просто уголовное убийство, бандитская расправа». О том, что расстрел коммунистов был вопиющим актом злодейства, свидетельствовали все обстоятельства ареста и комедия суда, которая вскоре стала известна. В заявлениях Компартии Литвы не раз говорилось, что она считала создание правительства Слехявичюса положительным явлением на пути к прогрессу. Коммунисты критиковали это правительство за нерешительность в борьбе с реакционерами и за соглашательскую политику. Однако они никогда не призывали к его свержению или к каким-то действиям, которые могли бы вызвать вмешательство со стороны Польши либо Германии. Освобожденные из тюрем согласно закону об амнистии, коммунисты жили и действовали вполне легально, борясь за интересы рабочих и крестьянской бедноты. Они предупреждали об угрозе со стороны фашистов и хридемов и призывали к активному сопротивлению в случае попытки реакционеров совершить переворот.

Еще ранним утром 17 декабря был арестован у себя дома Каролис Пожела, а за ним и другие руководящие деятели Компартии Литвы. Многие из них лишь после ареста узнали о свершившемся ночью фашистском перевороте. Фальшивая ссылка в фашистских заявлениях на будто бы готовившееся восстание коммунистов была лишь грубо состряпанным поводом для ареста. Редактор левой профсоюзной газеты А. Киликевичюс, тоже схваченный, впоследствии рассказывал о встрече с К. Пожелой во дворе Каунасской тюрьмы. «Что же теперь фашисты будут с нами делать?» — спросил Киликевичюс. «Тебе, как «зицредактору»**, дадут каких-нибудь три месяца. Мне, конечно, больше, вероятно, пару годиков», — ответил Пожела. Никто из них не предполагал, что их смогут обвинить в чем-либо серьезном. Между тем через несколько дней Пожелу и других коммунистов увезли из тюрьмы в казармы 2-го полка (пригород Каунаса). Там состоялось заседание военно-полевого суда. Коммунистам было предъявлено обвинение в распространении антиправительственной подстрекательской большевистской пропаганды, в сопротивлении властям, в подготовке к восстанию и в создании большевистских организаций.

Пожела и его товарищи в своих выступлениях полностью опровергли провокационные обвинения. Они подчеркивали, что прежнее правительство свергли и переворот организовали не коммунисты, а реакционеры. Против же вновь созданного

** То есть «отсидживающему редактору». Так именовали в шутку всех официальных редакторов, часто попадавших под суд и прикрывавших своим именем в органах печати подлинных политических руководителей, порою действовавших нелегально.

правительства коммунисты восстания готовить не могли, ибо были арестованы, даже не зная еще о его существовании. Но вопрос был решен заранее. Палачи вынесли верным борцам за дело трудящихся смертные приговоры. Позорный суд происходил 24 декабря, в сочельник, когда накануне рождества христы возносили моления о мире и любви. На судьбе обреченных это сказало лишь в том, что казнь была отложена на послепраздничный день. «Товарищи! Я работал, сколько мог, и умираю за нашу общую цель. Желаю и вам работать, работать и бороться до победы», — так писал в предсмертной записке Каролис Пожела. Те же мысли выразили, уходя на смерть, и его друзья по партии. Ранним утром 27 декабря под сильной охраной в закрытой тюремной машине увезли в последний путь негибаемых коммунистов, первых жертв фашизма в Литве. Когда их, уже привязанных к столбам, спросили о последнем желании, они ответили: «Да здравствует Коммунистическая партия Литвы! Да здравствует мировая пролетарская революция!» Когда посыпалось щелканье взводимых ружейных курков, они запели «Интернационал» и смолкли, лишь пораженные пулями.

О всех подробностях мне рассказал Каросас, имевший много знакомых в различных кругах. У меня тотчас возникло желание побывать на могиле погибших борцов. Каросас разведал, где находится место казни, и под вечер одним декабрьским днем мы пошли в окрестности VI форта. Там кончалась граница бывшей Каунасской крепости. Границу составляла большая насыпь с покатым откосом. Когда мы вззошли на вершину насыпи, перед нами открылся вид на откос с небольшой возвышенности. Далее простиралась равнина. «Здесь», — сказал Каросас, указывая на край откоса. В снегу виднелись следы свежеразрытой земли. Хотя все было выровнено и утоптанно, однако самое место, которое было окроплено кровью борцов, чьи-то неизвестные руки уже украсили цветами. Приблизившись, мы увидели букеты с надписью «От рабочих». Принесшие их сильно рисковали, ибо в первые дни после казни тут стояла фашистская вооруженная охрана. Мы молча постояли у могилы расстрелянных, взглянули вверх, на откос, откуда были направлены дула винтовок на коммунаров. Оттуда летели смертоносные пули. А вот здесь в то морозное утро в той же позиции стояли они...

Объятый волнением, я думал об отвате павших. Ненависть к фашистам горела в душе. Выражая свои мысли, я говорил Каросасу, что придет день, когда фашизм будет разгромлен, народ свергнет всех сметонасов и вольдемарасов. Тогда высоко вздымется слава четырех товарищей, первыми павших от рук палачей. Мне казалось, что это произойдет очень скоро. Я не мог и подумать, что кучка захватчиков, поработившая народ, продержится у власти еще почти полтора десятка лет. Посещение могилы коммунистов явилось для меня одним из самых ярких эпизодов того времени. Свои чувства я впоследствии выразил в стихотворении «Их — четверо»:

Их — четверо. Они в могилах.
Но, тайно расстреляв борцов,
Все ж были палачи не в силах
Лишить бессмертья мертвецов.

Скрываясь, крался враг по следу,
Боясь напасть на них в упор...

Они погибли, но победу
Провидел их орлиный взор.

Была тиранам ненавистна,
Страшна, как призрак наяву,
Их вера в дело коммунизма
И в то, что он придет в Литву,

И что товарищи их смело
За них сочтутся с палачом,
И что ни тюрьмы, ни расстрелы
Борцов не сломят ничем.

Все четверо погибли ночью,
Во тьме упав на белый снег,

Чтоб утро увидал воочью
Освобожденный человек.
Как в день расстрела, молодыми
Останетесь навеки вы
И вечно будете живыми
В народной памяти Литвы ***.

Возвращаясь домой, мы говорили о широком отклике, который вызвал этот расстрел среди рабочих всего мира. Из разных стран в «Эльту» поступали телеграммы о демонстрациях и митингах протеста против кровавой расправы, совершенной правительством Литвы. Однако в литовскую печать никаких сведений о том цензура не пропускала. Массовые демонстрации протеста шли в Советском Союзе. В Москве и Ленинграде, Киеве и Туле, Баку и Иркутске — повсюду рабочие принимали негодующие резолюции против фашистских убийц. «Правда», «Известия» и другие газеты писали о возмущении, объявшем массы трудящихся в связи с каунасским расстрелом. Коминтерн опубликовал воззвание «К рабочим и крестьянам всего мира». В нем говорилось, что одной из причин свержения прежнего правительства было то, что оно проводило политику сближения с СССР и заключило с ним договор, который вызвал беспокойство в империалистических странах Запада, особенно в Англии. Митинги протеста и демонстрации у зданий посольств Литвы состоялись в Германии, Франции, Англии, Финляндии и во многих других странах. Чтобы рассеять распространившиеся слухи о новых готовящихся расстрелах, правительство через каунасского коменданта было вынуждено заявить, что они не имеют оснований и что дальнейшая передача дел коммунистов в военно-полевые суды не предвидится. Вместе с тем сообщалось о создании в Варняй концентрационного лагеря для содержания там коммунистов и других лиц, «опасных для государственного порядка и общественного спокойствия».

Вернувшись из Риги, я опять встретился с Борткявичене, рассказал ей о проведенной работе по организации газеты, о беседах с эмигрантами и латышскими социал-демократами. Она обрадовалась возможности издавать газету и просила обдумать пути и средства доставки в Ригу рукописных материалов. А 30 декабря было созвано заседание сейма, на котором продолжили обсуждение бюджета, прерванное переворотом. Оно началось полемикой между представителями ляудининков и социал-демократов и председателем сейма Стульгинским, который отказался предоставить им слово для заявления о создавшемся после переворота положении. Новая оппозиция потребовала перед дальнейшим обсуждением бюджета заслушать декларацию правительства, но и это требование было отвергнуто. Затем на трибуну поднялись депутаты от фракции социал-демократов. Они, беря слово по вопросу о бюджете, пытались прочесть декларацию о событиях, связанных с переворотом, и протест против нарушений конституции. Но, как только они затрагивали эту тему, председатель их обрывал. Ораторы продолжали читать, пока после двух предупреждений не лишались слова. Так один за другим выступило 12 человек, а некоторые попытались взять слово повторно, однако с тем же результатом. Они успели прочесть лишь малую часть своей декларации, причем их слова заглушались криками и непрерывным шумом со скамей хрисдемов.

Новый премьер несколько раз выходил на трибуну, защищая политику правительства. Особенно большим «оскорблением» он называл предъявленное обвинение в убийстве четырех коммунистов и упорно доказывал, что расстрел был произведен по приговору суда; что это было не убийство, а «законная казнь». Защищая свое правительство, он демагогически утверждал, что оно спасло Литву от хаоса и опасности гражданской войны; напоминал, что освободил из-под ареста Гринюса и членов бывшего правительства. При этом Вольдемарас не преминул еще раз поблагодарить ляудининков, которые помогли легализовать положение и узаконить его правительство. Что касается ляудининков, то они даже не попытались навязать сейму свою волю. Когда председатель не предоставил их представителю Толюшису слова для зачитания заявления, они на том успокоились. В общем и целом из политической демонстрации парламентариев, которая по замыслу должна была найти отзвук в мас-

*** Перевод Л. Тоома.

сах, получился бунт в стакане воды. Об этих событиях узнали только участники заседания да немногие лица, читавшие стенограммы сейма.

Пожалуй, уместно будет рассказать здесь об одном эпизоде тоже того времени. Однако мне он стал известен позднее... Через несколько дней после переворота на станции Каунас вышел из поезда молодой человек. Вместе со всей толпой прибывших он направился к выходу. Очутившись на привокзальной площади, он заметил группу людей, читавших какие-то объявления, наклеенные на домах. Несколько поколебавшись, приезжий тоже подошел к группе. «Расстреляны... Каролис... Казис... Юозас... Раполас», — про себя повторял он, скрывая волнение. Рядом висело еще одно объявление. В нем оповещалось о введении военного положения. Постояв немного, приезжий направился в сторону пригорода Шанчай. Вот и река Нямунас, вот железнодорожный мост, завод Тильманса. Он шел по данному ему адресу на явочную квартиру. Вот и Таллинская улица с небольшими домиками, где жил рабочий люд. На стук ответил женский голос. «Здесь живет Мотеюс Шумаускас?» — спросил приезжий, войдя в небольшую переднюю. «Да, Шумаускасы здесь, но Мотеюса нет, он служит в армии», — ответила женщина, взглянув на вошедшего с явным недружелюбием. Старая Шумаускене знала о политических связях своих сыновей и привыкла к их конспиративным встречам. Поэтому она не спрашивала гостя, кто он и откуда. Однако по ее тону и поведению тот смекнул, что здесь ночевать ему будет неудобно.

Извинившись за беспокойство, приезжий попросил Пранаса, находившегося дома младшего брата Мотеюса, проводить его и помочь найти ночлег. Тот быстро согласился. Пранас долго водил приезжего по району железнодорожного вокзала, а затем увел за город. Подойдя к насыпи у VI форта и указывая на откос, он сказал приезжему, что как раз здесь были расстреляны четыре коммуниста. С грустью и волнением смотрел Матас (так назвал себя приезжий) на место казни товарищей. «Я не имею никаких документов, — обратился он к Пранасу. — Надо найти, где переночевать». В конце концов юноша привел Матаса в лесопилню «Интриллигатора», где у него был знакомый сторож. «Переночевать хотите? — спросил сторож. — Что ж, можете ночевать на досках, другого места не имею», — и продолжал молча ворошить уголь в железной печке. Видимо, не впервой ему были неожиданные гости. Да и приезжий не был склонен к бесдам. Не мог же он сказать, что приехал нелегально; что его в помощь местным коммунистам направило руководство литовской секции Коминтерна; что напутствовали его Капеукас-Мицкявичюс, Ангаретис и другие товарищи. Не мог он сказать и того, что Матас — его партийная кличка, а в действительности его зовут Антанас Снечкус и что он избран секретарем ЦК Компартии Литвы.

Пока что уставший с дороги Матас был рад возможности прилечь на досках, положить голову на меховую шапку и накрыться своим пальто. Из солидарности растянулся на досках и сторож, пожелав гостю спокойной ночи. Немного помолчав, он сказал, обращаясь не то к гостю, не то к самому себе: «Эх, Сметона, Сметона! Был он первым президентом барской Литвы; может быть, окажется и последним!» Это случилось в самый канун 1927 года. Уходил в прошлое год, который начался надеждами на то, что придет победа прогрессивных сил, что будет покончено с извечным господством реакции в Литве. Но пока что после переворота, которым было положено начало фашистскому режиму, были опрокинуты все «левые» ширмы и упали все буржуазные фиговые листки. Последовал период открытого террора, насилия и бесправия.